

4. Нотариальное право: учебник; под ред. В.В. Яркова. 2-е изд., испр. и доп. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

5. Ананич С.М. Некоторые вопросы совершенствования гражданского законодательства о наследовании // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2018. Вып. 13. С. 292-299.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДО 2025 ГОДА КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА СНЯТИЯ БАРЬЕРОВ НА РЫНКЕ ЕАЭС

Е.В. Бабкина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, babkina@bsu.by*

В статье анализируется актуальное состояние наличия препятствий на рынке Евразийского экономического союза и делается предположение относительно возможности использования Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года для ликвидации барьеров и уменьшения ограничений и изъятий на рынке ЕАЭС. Автор предлагает использовать разработанную практикой Суда Европейского союза доктрину подразумеваемых полномочий.

Ключевые слова: барьеры на рынке; доктрина подразумеваемых полномочий; Евразийский экономический союз; препятствия; Стратегия 2025.

STRATEGIC DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION UNTIL 2025 AS A LEGAL BASIS FOR REMOVING BARRIERS IN THE EAEU MARKET

E.V. Babkina

*Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus, babkina@bsu.by*

The article analyzes the current state of the presence of obstacles in the market of the Eurasian Economic Union and makes an assumption regarding the possibility of using the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025 to eliminate barriers and reduce restrictions and exemptions in the EAEU market. The author

proposes to use the doctrine of implied powers developed by the case law of the Court of Justice of the European Union.

Key words: market barriers; implied authority doctrine; Eurasian Economic Union; obstacles; Strategy 2025.

Существование препятствий на внутреннем рынке не только объективно замедляет экономическую кооперацию, но и, что не менее важно, влечет субъективный пессимизм, порождает негативную коннотацию слова «интеграция».

К сожалению, существование препятствий на едином рынке Евразийского экономического союза представляет собой тенденцию. Несмотря на активную работу ЕЭК по выявлению и устранению препятствий на рынке ЕАЭС их количество не уменьшается. Даже если принимать в расчет только зарегистрированные препятствия, то есть внесенные в Реестр препятствий, размещенный на сайте Департамента функционирования внутренних рынков, то ситуация в количественном измерении фактически не изменилась. По состоянию на 30.11.2016 было зафиксировано 60 препятствий, из них 9 барьеров, 34 ограничения и 17 изъятий. В течении четырех лет Евразийской экономической комиссией были устранены 57 препятствий. Однако по состоянию на 25.11.2020 мы видим в Реестре 59 позиций, распределившихся подобным образом: 11 барьеров, 35 ограничения и 13 изъятий. Таким образом, ликвидация одних препятствий влечет возникновение новых.

Каким образом могут быть ликвидированы барьеры и минимизированы другие препятствия на рынке ЕАЭС?

Как известно, выделяют две модели интеграции: негативную (исторически первой возникла такая американская модель) и позитивную (в большей степени характерную для европейского региона).

Негативная модель строится на правовом постулате необходимости минимизации препятствий для обеспечения экономических свобод на внутреннем рынке: свободы движения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы. То есть триггер негативной интеграции – единый рынок и четыре свободы. Следствие негативной интеграции – конкуренция юрисдикций, когда государства – члены ЕАЭС, соперничая между собой за установление наиболее благоприятного для хозяйствующих субъектов правового режима, устраняют административные барьеры для предпринимательской деятельности в сфере энергетической политики, технического регулирования, государственных закупок, налогообложения, международных перевозок.

Негативная интеграция в чистом виде не может обеспечить полноценное функционирование высших форм интеграции, которой выступает Экономический союз, она формирует основу для **позитивной** интеграции, которая осуществляется посредством гармонизации и унификации, то есть в рамках единой и скоординированной политики.

Сочетание обеих форм - негативной и позитивной формы интеграции – используется в проекте Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции (далее – Стратегия-2025), что делает ее потенциальным источником применимого права для Суда ЕАЭС в целях ликвидации барьеров и минимизации изъятий и ограничений на рынке ЕАЭС при рассмотрении споров о нарушении государствами-членами Договора. Названный документ должен быть принят решением Высшего Евразийского экономического совета в декабре 2020 года.

По оценкам Евразийской экономической комиссии, реализация Стратегии 2025 предусматривает разработку и подписание 13 международных договоров, более 60 нормативных правовых актов ЕАЭС, внесение порядка 25 изменений и дополнений в Договор о Союзе, а также изменений в национальные законодательства государств-членов ЕАЭС.

Во-первых, уникальность этого акта состоит в том, что его сфера применения ориентирует как на *de lege lata*, так и на *de lege ferenda*. Так, Стратегия 2025 содержит ключевые меры и механизмы, необходимые для достижения установленных Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (Далее – Договор) целей и задач создания Евразийского экономического союза, и определяют возможность их дополнения **не только новыми формами, но и сферами экономической интеграции** государств-членов.

Стратегия 2025 заявляет полное устранение барьеров и максимальное сокращение изъятий и ограничений для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на внутреннем рынке Союза одним из постоянных стратегических направлений Союза, причем список препятствий далее по тексту уточняется для отдельных отраслей.

Так, в список мер по ликвидации препятствий на рынке ЕАЭС Стратегические направления включают, в частности, следующие меры:

- 1) обеспечение единообразного подхода в государствах-членах к применению технических регламентов Союза; создание евразийской системы качества продукции, обращаемой на общем рынке Союза;

2) обеспечение недискриминационных возможностей для предприятий государств-членов по предоставлению транспортных услуг;

3) обеспечение единства таможенно-тарифного регулирования в Союзе, устранение изъятий из Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза;

4) обеспечение равного доступа к государственным закупкам, информационная открытость и прозрачность закупок, в том числе посредством организации беспрепятственного и бесплатного доступа к информации о закупках, реестру недобросовестных поставщиков и другие.

Кроме того, устранению барьеров будет способствовать и предлагаемое расширение полномочий Комиссии, в частности, наделение Коллегии Комиссии правом обращаться в Суд Союза при неисполнении решений органов Союза в части, касающейся выполнения государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, а также наделение Коллегии Комиссии правом обращаться в Высший Евразийский экономический совет в случае неисполнения решения Суда Союза с целью принятия необходимых мер.

Вместе с тем, несколько снижает интеграционный потенциал Стратегических направлений использование таких формулировок, как, например, «проработка возможности», в частности, в контексте взаимного признания банковских гарантий при осуществлении государственных закупок.

Представляется, что такого рода формулировки диспозитивного, не императивного характера, не подлежат буквальному толкованию, следовательно, не могут влиять на сужение компетенции Союза и его органов по констатации неисполнения государствами-членами Договора и иных актов органов Союза.

Поскольку **постоянным стратегическим** направлением Союза заявлено полное устранение барьеров и максимальное сокращение изъятий и ограничений для четырех свобод, Союз вправе оперировать любым доступным ему правоприменительным инструментарием.

В этом процессе основную скрипку должен играть Суд ЕАЭС, наделенный полномочиями контроля за выполнением государствами-членами и Комиссией обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка ЕАЭС.

Моделью для Суда ЕАЭС может послужить доктрина подразумеваемых полномочий, которая была методично разработана в решениях и консультативных заключениях Суда Европейского союза.

В Консультативном заключении от 19 марта 1993 г. № 2/91 [1] Суд ЕЭС сделал следующий вывод: «Компетенция ЕС может иметь эксклюзивную природу, исключая любую конкуренцию со стороны государств-членов, согласно положениям учредительного договора или в силу сферы мер, принятых институтами Сообщества для реализации этих положений, и такая компетенция может лишить государства-члены компетенции, которую они имели ранее в переходный период».

В Консультативном заключении по делу 1/03 [2] Суд ЕС повторил, что компетенция Сообщества может быть не только явно обозначена в учредительном договоре, но равно вытекать из других положений названного договора, а также из мер, принятых институтами Сообщества по реализации этих положений. Поскольку Сообщество наделило институты соответствующими полномочиями для достижения специфических целей, оно имеет компетенцию совершать действия, необходимые для достижения таких целей, даже в отсутствие четких положений по этому вопросу.

Таким образом, даже в условиях сохранения в тексте источника права Союза довольно осторожных юридических формулировок Судом могут быть использованы механизмы, без которых достижение целей, заявленных в Договоре о ЕАЭС или других актах Союза, невозможно. В этой связи барьерами, подлежащими ликвидации, могут быть признаны не только ограничения в сферах, объединенных единой политикой, ими могут быть признаны любые меры государства, несовместимые с экономическими свободами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Opinion 1/03 of the Court (Full Court) 7 February 2006 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62003CV0001:EN:HTML>>. — Date of access: 10.11.2020.

2. Opinion of the Court of 19 March 1993 № 2/91 delivered pursuant to the second subparagraph of Article 228 (1) of the EEC Treaty - Convention N° 170 of the International Labour Organization concerning safety in the use of chemicals at work [Electronic resource] // <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-2/91>. — Date of access: 10.11.2020.